

Про Добрыню Никитича (2)

Как срежаетце Добрыня во цистó полё,
Сподобляетце Микитиць во роздольцо
Он стрелеть-то гусей да только белых лебедей,
Как перластых малых серых утоцёк.
Он своей тут жоны да всё наказывал,
Он Настасьюшки Викулицни наговаривал:
«И как пройдет-то тому времю шесть ведь лет поры,
И как минуется ле тому времечку двенадцать лет,
И ты вдовой сиди — дак замуж поди,
И не ходи ты за Олешу только за Поповича!
Олешенька силой был не силен, да напуском смел:
Как напустит-то Олеша на старого,
И он на старого, на малого,
Он на ровнюшку, спесивую...»
И как прошло-то тому времю шесть лет поры,
Миновалось тому времечку двенадцать лет,
И как приехали Настасью сваты свататца,
Ищо тот же Олешенька Попович сын.
И как надумалась Настасья, взамуж пошла
И за того же за Олешу за Поповича.
Как оставили Добрынину да родну маменьку
На кирпичной ей да жаркой печеньке.
Она горючима слезми сидит уливается,
Злой кручинушкой да утирается:
«И теперь кто же будет меня поить-кормить,
Теперь кто будет меня обувать-одевать,
И теперь кто меня будет тут теплом огревать?..»
И слезывает-слезывает с кирпичной пеценьки,
Она походит-походит до дубова стола,
До дубова стола, до косяцата окна,
Она зрит-смотрит во чисто поле:
Во чистом-то поли да курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
Да видь ясному-ту соколу пролету нет,
Ай и черному-ту ворону прокурку нет,

Еще серому-то волку прорыску нет,
А и белому-ту заюшку проскоку нет.
И пролетает, проезжает-то доброй молодец
Он по тем же по Добрынины по жолтым сукна́м,
Доезжает, приезжает до широка двора,
До широка двора, до дубова столба;
Он ведь вяжот коня да к дубову столбу,
К дубову-то столбу, к золоту кольцу,
И он входит во гринюшку во светлую,
И тут ведь крест-от кладет да по-писаному,
Он поклон-от ведет да по-уценому,
И молитву творит да право Сусову:
«И уж ты здравствуёшь, Добрынина родна маменька!» —
«Уж ты здравствуй, калика перехожая,
Перехожая калика, переезжая,
Не видал ле ты Добрынюшки Микитеца?» —
«А какое-то ле у Добрынюшки было знамецко?» —
«А под правой рукой была бородавоцка!»
И здымает, и здымает да руку правую:
«Уж ты здравствуешь, родима моя маменька!» —
«Уж ты здравствуешь, сердечно мое дитяtko!» —
«Уж тебя где же, мама, да не видать другой семьи,
Не видать стало у те другой семьи,
Как другой семьи — моей молодой жены?..» —
«Как надумалась Настасьюшка —
За того жо за Алешу за Поповица!» —
«И ты возьми-тко, возьми, мама, золоты ключи,
Отмыкни-тко, отмыкни шкапы стеклянные,
И принеси-ко, принеси платье дорожное,
Мне дорожное платье, платье калицкое,
И как еще-то-ка принеси мне гусли звончатые!»
И отправился Добрынюшка к Олешеньке.
Как зашел Добрынюшка к Олешеньке,
Он правой-то ногой стал на пецней столб,
А левой-то ногой о порог ступил:
«Здравствуй, Олешенька Попович сын,
Разреши-тко ты, Олеша, мне в гусли сыграть!» —
«Ты играй-ко, играй, калина, сколько хочется!»
И во первы-ти заиграл — Настасьюшка подумалась,

И во вторы-ти заиграл — Настасьюшка проплакалась,
И во третий-ти заиграл — Настасьюшка промолвила:
«И ты налей-ко, налей, Олеша, чару зелена вина,
Ты не малу, не велику — полтора ведра!»

Добрынюшка Олешеньку проздравлять стал: «Ты здорово, Олеша, женился
— да не с кем
спать!» Взял ее и увел из-за стола.

*(Зап. В. В. Митрофановой, В. В. Коргузаловым 26 июля 1958 г.: д. Тиглява
Лешуконского р-на — от Бешенькиной Марии Афанасьевны, 70 лет.
Записано с пения.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.